

Ежемесячная литературно-просветительская газета Краснодарского краевого отделения Союза писателей России

Во всех отделениях связи продолжается подписка на газету «Кубанский писатель»
Подписной индекс в каталоге «Почта России» – 54713, цена подписки – 98 руб. 40 коп.

ПАНОРАМА

Дороги-пути Геннадия Пошагаева

Презентация книги писателя Г. Г. Пошагаева «Житейские истории. Кубанские писатели в моей творческой судьбе» прошла в библиотеке им. А. Н. Некрасова. Книга, в которую вошли художественные очерки-рассказы, где автор с предельной искренностью и душевностью вспоминает о кубанских писателях, принимавших участие в его творческой судьбе, получила признание не только на Кубани. Вступительную статью к ней написал Владимир Юдин, доктор филологических наук, профессор, член Союза писателей России из Твери. «Тема пути в творчестве Пошагаева центральная, многозначно-символическая: путь жизни, путь судьбы, поиск смысла бытия, личного счастья, народной доли», — определил он. И выступления участников презентации стали подтверждением его слов.

М. Б. Солодкая не без улыбки заметила, что не только «зажглась искра и повела писателя», но не было бы этой книги, если б порой не просыпался в авторе Остап Бендер!

А самые значимые встречи с Иваном Вараввой, Анатолием Знаменским, Виталием Бакалдиным потому и интересны, что были наши кубанские мэтры интереснейшими людьми.

Заслуженная артистка России Светлана Мамиконян определила Геннадия Григорьевича как неисправимого романтика. В наше время это качество не только ценное, но очень редкое. Вот почему так необходима книга писателя подрастающему поколению. «И ещё они должны учиться у вас совестливости», — обратилась артистка к писателю. И порадовала автора книги и всех присутствующих старинными романсами.

А коллеги по перу В. А. Архипов, Н. Т. Василинина, А. Г. Ильяхов, И. Э. Ясинский, поздравляя писателя с выходом очередной книги, были едины во мнении, что работа только начата и требует обязательного продолжения. Ведь так много замечательных людей вокруг, и, значит, новые встречи достойны пера прозаика Геннадия Пошагаева.

Собинфо

На фото Н. Василинина,
Г. Пошагаев

«Свет Родины» – цвет Кубани

В Краснодарском Доме учёных и инженеров состоялась премьера нового музыкального альбома «Свет Родины» замечательного творческого тандема – поэта Светланы Медведевой и композитора Игоря Корчмарского.

Светлана Афанасьевна впитала кубанский быт, песни с детства. Выпускника Московской консерватории Игоря Моисеевича Кубань привлекла своей певучестью, мелодикой, богатством национальным колоритом. Песенный сборник «Свет Родины» посвящён родной Кубани. Главная тема в их совместном творчестве – история Родины, её свет и любовь к ней.

За полчаса до начала концерта зрительный зал Дома учёных был переполнен. Как говорится, полный аншлаг. До выхода виновников торжества сцена уже утопала в цветах. Как только зазвучали первые аккорды, разбудившие нашу память, зал наполнился особым светом чистой, искренней песни.

Открыл концерт заслуженный артист России Александр Плахтеев. Первую песню «Наш любимый Краснодар» он исполнил под аккомпанемент композитора Игоря Корчмарского.

Две песни из своего музыкального альбома исполнила поэт Светлана Медведева. Одна из них так и называется «Свет Родины». И есть там такие строки:

*Русской сказкой пропитана,
Русской речью обучена,
В русской вере воспитана –
Что желать можно лучшего?*

Они и определили дух всего мероприятия. Песня оказалась

настолько близка зрителю, что по окончании концерта во время выступления помощник руководителя Департамента культуры Краснодарского края А. М. Кихаева не смогла удержаться от нахлынувших эмоций.

– Сегодня мне искренне хочется говорить высокопарным слогом. Музыкальный альбом «Свет Родины» – это свет высокой музыки и поэзии и высокой безграничной любви к Родине. Думаю, все поддержат меня в том, что в последнее время мы редко слышим столь душевные, глубокие песни о нашей родной Кубани, – растрогавшись, сказала Анна Михайловна.

Приятным сюрпризом для зрителей стало участие учеников десятой детской музыкальной школы Краснодара под руководством лауреата Международного конкурса «Юность» Нины Серженко. В исполнении ансамбля прозвучали три детские песенки: «Маслята», «Кукушка», «Рождественская».

Молодой солист вокальной студии Андрей Звягинцев спел песню «Сочи преодолимыйский». Произведение «Тихий вальс», посвящённое ветеранам Великой Отечественной войны, исполнил дуэт – С. Медведева и А. Звягинцев.

Величественно, торжественно

в исполнении всех участников мероприятия прозвучала вдохновенная и романтическая «Ода искусству», ставшая девизом концерта.

От всех ейчан великолепный букет роз авторам сборника подарил глава администрации Ейского района М. Э. Нечитайло.

– Сегодняшний концерт – это действительно частичка души, которую вы подарили нам, – обращаясь к авторам, искренне произнёс Максим Эдуардович. – Это счастье, закладываемое в нас доброе, великое, святое. И оно должно быть всегда. Всё это и называется светом Родины. Низкий вам поклон.

С благодарственным словом и пожеланиями здоровья и новых творческих совместных работ в адрес авторов песенника выступили председатель регионального отделения Союза писателей России Светлана Макарова, советник по образованию Государственного секретаря Союзного государства Нина Ерюхина (г. Москва), журналист Тамара Вайль, многолетний поклонник вокальной студии, педагог Нина Фирсунина, директор Дома учёных Евгений Виноградова и многие другие.

Концерт вела известный детский поэт Любовь Мирошникова. Партию фортепиано исполняла художественный руководитель вокальной студии Дома учёных Елена Снагощенко.

Марина Голубева

На фото авторы
сборника С. А. Медведева,
И. М. Корчмарский

Светлана Макарова: «Книги должны нести в себе и социальную значимость»

Писателей у нас на Кубани не то чтоб много, но все-таки хватает. А уж людей пишущих и желающих издаться – и того больше. И далеко не все из них являются графоманами – многие могут написать что-то вполне значимое, но, к сожалению, далеко не всегда имеют возможность издать. А те, кто могут – сталкиваются с иными проблемами. Краснодарское региональное отделение Союза писателей России объявило о начале работы культурно-просветительского издательства «Кубанский писатель» над сериями «Поэзия Юга России» и «Проза Юга России».

– Собственно говоря, это и не совсем издательство, – уточняет председатель правления Краснодарского отделения Союза писателей России Светлана Макарова, – просто наша организация решила помочь

различным авторам, запуская эти два проекта – серию книг прозы и поэзии. Сейчас уже никого не удивишь, если автор за свой счет издал и две, и три, и пять книг. Однако зачастую тексты не отсматривает даже корректор – не говоря уже о художественной редакции. Не раз сталкивались с ситуацией, когда автор издаёт книжку за свой счет, приносит нам, мы начинаем указывать на многочисленные стилистические ошибки, и человек буквально выходит из себя – ведь деньги-то, по сути, потрачены зря. Поэтому и начинаем проект по выпуску этих двух серий. Писатели из нашего Союза будут осуществлять художественную редактуру текста, верстка и корректура тоже будут под нашим наблюдением. Кроме того, договариваясь с типографиями об издании, – мы уже сейчас выбираем те их них, где будут приемлемые для нас расценки.

Финансовый вопрос, конечно, всегда был и остаётся тут самым болезненным – ведь проект, по сути, является коммерческим, издаваться авторы будут за свой счет. Но,

конечно, не исключается и возможность спонсорской помощи – так уже в рамках проекта издан поэтический сборник Вячеслава Динеки «Сквозь тьму».

По словам Светланы Макаровой, в данном проекте Союз писателей станет проводить более либеральную политику по отношению к писателям, работающим в различных жанрах.

– До настоящего времени мы дистанцировались от фантастики и фэнтези. На сегодняшний день в Москве при Союзе писателей России организована секция писателей-фантастов, и мы также намерены оказывать им поддержку – у нас в крае есть яркие, самобытные авторы, работающие в этом жанре.

Но хочу заявить однозначно – всё, что несёт разрушение, угрозу нравственности, нашей культуре, нашим традициям – всё это мы пропускать не будем. Книги должны нести в себе и социальную значимость.

Денис Шульгатый

ПАМЯТИ ПИСАТЕЛЯ-ФРОНТОВИКА

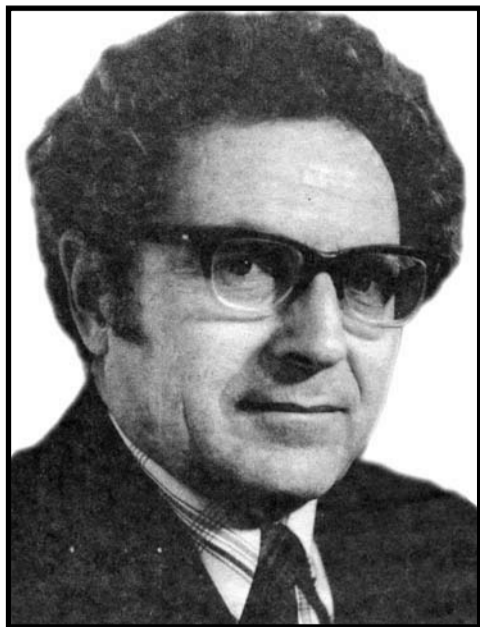
Николай Краснов

9 МАЯ 1945 ГОДА

Где их застала тишина Победы,
Там и уснули: в танках, на броне,
В грузовиках, на пушечных лафетах,
В садах, в открытом поле и в кюветах.
Уснули сладко, позабыв все беды,
Как не спалось ни разу на войне.
И как пришла — никто из них не слышал
К ним женщина, печальная, одна,
Ступая легче тени, ветра тише,
Как чья-то мать, невеста или жена.
Пришла им благодарно поклониться,
За все, за все, чем их судьба свята.
И пристально разглядывала лица,
И целовала каждого в уста.
То, может быть, она, сама Россия,
В победный час пришла наведать их.
А после безутешно голосила,
Не всех сынов найдя среди живых.

ПЕРВЫЙ БОЙ

В жизнь поколение наше так вступало:
В кровоподтеках встал седой рассвет,
И — пушки, пушки, пушки бьют начало,
И ходит по рукам бойцов кисет.
Дымят, молчат бывалые солдаты,
А я, заслышав гул издали,
К земле прирос, а под щекой земля-то
Тепла, как материнская щека.
Не глянуть за окоп, за черный вырез,
До пулемета не поднять руки.
На мне ушанка и шинель на вырост,
И сорок пятый номер сапоги.
Спросили: «Сколько лет тебе?» —
«Семнадцать».
Еще вчера за партою сидел.
Я небом не успел налюбоваться,
Поцеловать любимой не успел....
Но вот сигнал — пошла, пошла пехота!
И за усатым командиром роты
Вскочил выдавший виды старшина:
«Ну что же, новички, начнем работать!»
Мы, как в плуги, вцепились в пулеметы,
И вся душа в рывке напряжена.
Да так, что и с дороги не собьешься,
Немыслимою силою несет.
И если упадешь — так расшибешься,

Отечественная литература понесла тяжёлую утрату. На 86 году после тяжёлой продолжительной болезни ушёл из жизни Николай Степанович Краснов, писатель, автор многих поэтических сборников, книг повестей и рассказов, лауреат краевой премии в области культуры, член Союза писателей СССР-России с 1949 года.

Николай Степанович Краснов родился 30 декабря 1924 года в Ульяновске. Детские годы и ранняя юность прошли в деревне Богородская Репьевка и в родном городе. С 1969 года Н. С. Краснов жил в Краснодаре.

В 1943 году, после окончания средней школы, работал на оборонном заводе. Во время Великой Отечественной войны принимал участие в боях на Ленинградском фронте, при штурме Выборга был тяжело ранен. Награждён орденом Отечественной войны I степени, медалью «За отвагу», юбилейными наградами.

Первая литературная публикация в 12-летнем возрасте — стихи в газете «Будь готов!», чуть позднее — в «Пионерской правде», на фронте — в «дивизионке».

В августе 1947 года в «Литературной газете» печатается поэтическая подборка Н. Краснова с кратким предисловием А. Т. Твардовского. Это открыло молодому автору широкую дорогу к читателю. В 1953–1956 годах он учился в Литературном институте имени Горького, в 1965–1967 годах — на Высших литературных курсах. Делегат 2-го Съезда Союза писателей России. Книги писателя издавались в Ульяновске, Саратове, Самаре, Москве, Белгороде, Воронеже, Краснодаре.

Николай Степанович Краснов всю свою жизнь посвятил литературному творчеству и служению России, своему народу. Его стихи и повести воспевают подвиг солдат в Великой Отечественной войне. Они — образец высокой патетики и тонкого лиризма.

Коллеги по перу выражают глубокие соболезнования близким писателя и скорбят вместе с ними. Светлая память о Николае Степановиче Краснове навсегда останется в наших сердцах.

Краснодарское региональное отделение Союза писателей России

Задержишься — так пулями прошьет.
И кто-то крикнул: «На границу вышли!»
Глядели и дивились: «Где ж она?»
Вперед уходит бой, и еле слышно

Идет за нами следом тишина...
Мы шли к Берлину — мир вступал на нивы,
Враг покидал последние окопы,
И столько слез, горячих и счастливых,

В те дни нам люди пролили на грудь!..
Вот так — с освобождения Европы —
Свой жизненный мы начинали путь.

В детстве слышал я от домочадцев —
Коль была работа тяжела,
Кто-то скажет: «Где мои семнадцать!»,
Прежде чем приняться за дела.
С ними убирал я урожаи,
Тяжести таскал, дрова рубил
И частенько, взрослым подражая,
«Где мои семнадцать!» говорил.
Год от года, сил спеша набраться,
С тем присловьем я мужал и рос.
Лишь в семнадцать

«Где мои семнадцать!»

Произнести ни разу не пришлось.
Уж такая выпала година,
Даже и предвидеть не могли:
По пятам за нами смерть ходила,
На душу все тяготы легли...

Я и ныне не привык чураться
Трудных дел, не всякое — по мне,
Вдруг да скажешь:

«Где мои семнадцать!».

А мои семнадцать — на войне.

Шли враги — пятьдесят или больше,
Пули всех сосчитали.

Было так: поднимались они на увал
За волною волна.

Пулеметчики наши курили,

притаясь за щитами:

Пусть поглубже врагов завлечет тишина!

Пулеметы стучали недолго —

Минуту, не дольше,

И свершился

Оправданный высшею правдою суд.

Пятьдесят или больше их было.

Да, пятьдесят или больше.

Чуть заснешь,

Вновь волна за волной предо мною

встают...

Вот который уж год

Мне спокойно уснуть не дают.

ПРОДОЛЖАЕМ РАЗГОВОР

О МЕСТЕ КНИГИ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

Вспоминаю пятидесятые годы двадцатого века. Мне 10–11 лет. Более чем провинциальный городок Майкоп, центр тогдашней Адыгейской автономной области. «Внешне — тихий, размеченный по часам и минутам быт простого, трудового народа», — цитата из тезисов ВКПб., и звенящее в сердце послевоенное время... Трудное, порой голодное. Жили по нынешним меркам бедно, но очень дружно. Видимо, сказывалось объединяющее всех горе — погибшие на фронте, пропавшие без вести и не дождавшиеся дня Победы труженики тыла... В Майкопе жизнь текла так же, как в любой провинции Советского Союза. На весь город — два кинотеатра, в которых ленты менялись раз в 2–4 месяца. Был драматический театр, но о нём мы знали только понаслышке. Зато в каждом доме висел круглый репродуктор — он то и был «настоящим» окном в «большую» жизнь. Классическая музыка, эстрадная, передача «Театр у микрофона» — вся эта палитра захватывала внимание, завораживала, звала в какую-то другую, невероятно красивую жизнь.

Самым заветным желанием, полным волшебства, таинства и непредсказуемых приключений, являлось желание достать в то далёкое время (именно это слово было на слуху) книгу! Принести домой, и притулившись в каком-

нибудь укромном месте, читать, читать, читать. Прочитывать книгу запоем, от корки до корки, вновь возвращаясь к пронизавшим сознание страницам, воображать себя героем повествования — рыцарем без меча и забрала.

Кладезем собрания книг являлась школьная библиотека. До сей поры я благодарен преподавателю русского языка и литературы Немцовой Надежде Андреевне за её бережное, порою материнское внимание к нам — неокрепшим ни физически, ни духовно, часто растерянным, не знающим правды жизни юнцам.

Бережное отношение к книге сохранилось у меня до сей поры.

Теперь хочу высказаться о сегодняшнем месте книги в жизни молодого поколения. Трудная, очень трудная тема, но попытаться осмыслить и по возможности понять её необходимо.

Сейчас 2010 год, 30 лет невнятного, даже аморфного состояния общества в Российской Федерации. К коммунизму не добрались, к капитализму в истинном понимании не вернулись. У правящей партии нет ясно выраженной доктрины. Отсюда и у населения РФ отсутствует какой-либо оптимизм в отношении даже недалекой перспективы — на пять, десять лет вперед. Всё видится туманно, неопределённо и непредсказуемо.

К чему данное отступление? Отвечаю — если у государства нет стратегического плана развития общества, то и у молодого поколения его быть не может. И как следствие из этого — ярко выраженное стремление получить все материальные блага: «сейчас и много», и что особенно опасно — любимыми средствами. Что ж, давайте думать вместе. Ведь во все исторические, полные как пафоса, так и трагедии времена Россия выходила победителем из всех катаклизмов только при полном единении народа и власти. И нельзя забывать о том, что Россия — есть общий Ковчег для всех народов, населяющих эту воистину великую державу.

Книга же была, есть и будет. Вопрос только в том — будет ли она вновь востребована? Ответ прост — это случится, когда книга станет одной из духовной составляющей ценностей общества. Хотим ли мы этого? Думаю, что да. Точнее, очень хотелось бы на это надеяться. Оглядываясь на такие общечеловеческие понятия, как честь, совесть, верность присяге, на заповеди «не навреди ближнему» для современного общества — пустой звук. Давая заведомо невыполнимые обещания, правящая олигархия преследует единственную цель — получить максимально возможную прибыль за счёт обнищания трудовых масс. Кроме вышесказанного,

нельзя не обратить внимание на бурное развитие науки и техники, которые особенно прогрессивно развиваются в области информатики. Отсюда вывод: молодое поколение, родившееся в период 1990–2000 годов, не имеет никакого опыта не только общения с книгой, но и не знает ни классической художественной литературы, ни советской, ни постсоветской драматургии, ни вообще мощного культурного слоя, созданного их дедами, отцами, братьями. Невольно задаю себе вопрос: «Как же так получилось, что «самая читающая страна в мире» стала самой не читающей, практически, «чтение» из обихода? Невольно напрашивается сравнение с падением других империй — Римской, многих европейских и т. д. Но в отличие от них, в Российской империи произошла самая страшная в истории человечества драма — трагический для державы переворот 1917 года и последующее за ним, заранее спланированное, бесчеловечно-циничное истребление лучшего слоя общества — аристократии. Нет, не по рождению, а по веками привитым чувствам порядочности, честности и священным долгом служению Отечеству во имя его блага. Выдвинутый большевиками лозунг «Вся власть — народу» не отвечал на вопрос, каким образом безграмотная, не владеющая, даже

основами общечеловеческой культуры власть станет управлять государством? Все последствия этого правления теперь видны. Основная масса населения ежедневно озабочены поиском «хлеба насущного». О какой книге, и тем более о каком культурном возрождении можно говорить, живя в обществе потребления? В стране, которая ничего не производит, отдав на откуп все социальные, экономические, а главное, природные ресурсы горстке «калифов на час»! И самое страшное, что всё это происходит на фоне внешне спокойного, благополучного равнодушия населения к происходящим в стране процессам. Увы, как говорится, далее уже двигаться некуда. Полнейший тупик, без видимого просвета в конце туннеля.

Для «продвинутого» поколения книга есть виртуальное, практически неосознаваемое понятие, и данный факт отрицать бессмысленно, а главное — бесполезно. Отсюда и ответ на вопрос: почему книга не востребована?

Да потому, что книги как осязаемого, материального и тем более духовного материала в настоящее время не существует!

Повод для размышления более чем достаточный.

Геннадий Пузанов,
Краснодар

К покою тянется душа...

Хочу начать с обширной цитаты: «Какие должны быть стихи? Чтобы, как аэроплан, тянулись, тянулись по земле и вдруг взлетели... если и невысоко, то со всей тяжестью груза. Чтобы всё было понятно, и только в щели смысла врывался пронизывающий трансцендентальный ветерок. Чтобы каждое слово значило то, что значит, а всё вместе слегка двоилось. Чтобы входило, как игла, и не видно было раны», – писал Георгий Адамович.

Теперь я хочу привести читателю одно из многих, я бы сказал, показательных стихотворений Генриха Ужегова:

Осень

*Желтеют листья тополей,
Туманы белые проснулись,
И вереницы журавлей
На юг далёкий потянулись.
Печальна осени краса,
Сильнее хмурят брови ночи,
Темнеют чаще небеса,
И дни становятся короче
Над головою не спеша
Туч вереница проплывает,
К покою тянется душа,
Хотя покоя не бывает.*

И не вооружённым глазом видно, что приведённое стихотворение отвечает всем критериям истинной поэзии.

Стихи и поэмы Генриха Ужегова несут помимо эмоционального заряда и мощный заряд нравственный. Его поэзия трансформирует в человеке не только добрые чувства, но и формирует в его душе более высокие духовные начала. Я не сторонник «выдёргиванья» из стихотворения понравившихся строк (это равносильно фрагментарному знакомству со скульптурой), то есть по детали нельзя составить полного представления о целом. Хотя у читателя ещё будет возможность познакомиться с мыслями и чувствами поэта, я хочу привести ещё одно стихотворение:

*Жизнь — в чёрно-белую полосу,
Как придорожные столбы,
И человек подобен воску
В руках изменчивой судьбы.
А время скорость набирает,
Идёт к границе световой,
И ни одна душа не знает,
Что за чертою роковой.*

Не вдаваясь в построчный анализ, видно, как двоится смысловая нить стихотворения, как ширится и уходит в бесконечность первичный замысел автора. Я по-хорошему завидую читателю, которому предстоит впервые познакомиться с внутренним миром души, высказывающейся образно и ёмко доходчивым не рядящимся в модные одежды авангардизма языком.

Перефразируя известное высказывание И. С. Тургенева в письме к А. А. Фету, закончу свою далеко не исчерпывающую глубину макрокосма поэта заметку следующими словами: «Об Ужегове не спорят; кто его не чувствует, тем самым доказывает, что он не чувствует поэзии».

Николай Зиновьев, член Союза писателей России, лауреат международного конкурса «Поэзия третьего тысячелетия», лауреат Большой литературной премии

От первого лица

В пять лет я научился читать. Это произошло, когда мы жили в Читинской области, куда мать направили по распределению. Работала она врачом, часто оставалась на ночные дежурства, и мне приходилось развлекать себя самому. Детских книг в доме не было, зато был Шекспир. Первое слово, которое я прочитал по складам, было «Дездемона». Сколько же было радости! И потом, в долгие зимние вечера, я также, по складам, прочитал матери «Короля Лира» и «Отелло». Понять, конечно, ничего не понял, зато получил большое удовольствие от рассматривания красочных иллюстраций хорошего шекспировского издания.

С тех пор, наверное, и проявилась у меня большая любовь к поэзии. Стихи начал писать с восьми лет. Помню свое самое первое четверостишие, которое пришло ко мне как озарение:

*Наступает Новый год,
Все к нему готовятся,
Богатеет наш народ,
Страна наша строится.*

Носился я с этим четверостишием, как курица со своим первым снесённым яйцом. А потом начал писать в таком же духе и исписал две большие общие тетради. Мать посчитала меня гением и решила отвезти в Москву. Не знаю, какими путями добилась она приёма у главного редактора газеты «Правда», но это произошло. И вот сижу я в громадном кресле рядом с матерью, а редактор читает мои стихи. Прочитал и посмотрел на меня. Этот взгляд я не забуду никогда. Он был доброжелательным, снисходительным, насмешливым, усталым и бог знает ещё каким. Тяжело вздохнув, редактор посоветовал мне не бросать начатое дело, но больше читать и постараться поступить в литгруппу при каком-нибудь заводе или крупном предприятии.

Я последовал доброму совету. Читал очень много. Каждую ночь просиживал над Пушкиным, Лермонтовым, Буниным. Читал всех классиков, а вот к современным писателям и поэтам почему-то питал антипатию.

Учился я, мягко говоря, неважно. И когда закончил школу, в аттестате у меня было четыре четверки и одна пятерка – по поведению. Попытка поступить в Литературный институт им. Горького, отослав туда свои стихи на литературный конкурс, но... ответа не получил. Тогда я решил попытаться счастья в мореходном училище. Но как известно, там надо знать математику, а я её не знал. Первый раз пришлось пожалеть о том, что в школе не решил ни одной задачи по математике самостоятельно.

Но так как учиться где-то было надо, я, проработав год на шпалопродиточном заводе, поступил в Пятигорское медицинское училище. Это в основном была заслуга моей матери. Стихи я не переставал писать, но успех они имели только в стенгазетах. Но и это было достижением. Читал запоем. Читал всё, что попадалось под руку.

После окончания медучилища чуть больше года работал фельдшером в посёлке Челбас, недалеко от Тихорецка. Считал себя крупнейшим специалистом в области медицины, ставил диагнозы, которые не рискнул бы поставить и профессор. Но всё хорошее со временем кончается, и меня призвали в армию.

Служил в Казахстане, в 30 км от озера Балхаш. Там мамы не было, и на первых порах пришлось туговато. Выручило то, что я был фельдшером: в конце концов я попал служить в госпиталь. А служба в госпитале – это не служба, а отдых на Сейшельских островах. К тому времени я начал здорово уметь и решил заняться самообразова-

Г. Н. Ужegov родился в 1940 году в г. Тихорецке. Раннее детство его совпало со страшными днями испытаний, которые выпали на долю людей в годы Великой Отечественной войны. Отец его в числе первых ушел на фронт. В конце июля 1942 года враг ворвался на просторы Кубани, Тихорецк оказался под угрозой оккупации. Опасаясь за жизнь сына, мать его Анна Игнатьевна пыталась эвакуироваться, но дорогу беженцам перекрыл фашистский десант. Усталая и изможденная женщина с ребенком на руках вернулась в захваченный врагами город. Здесь их ждало ужасное известие о смерти родных, которые погибли в бомбоубежище во дворе своего дома.

нием. За время службы вновь прошел всю школьную программу, кроме математики. Кончилось это тем, что сразу же после демобилизации я без особого труда поступил в Кубанский медицинский институт.

В 1970 году я получил диплом врача. Но море тянуло меня к себе постоянно, и я решил пробиться в категорию судовых врачей. Это оказалось трудней, чем поступить в институт, однако своего я добился. И вот у меня на руках документы врача тралового флота в г. Мурманске. В те дни я был счастлив по-настоящему. Но, как известно, счастье никогда полным не бывает. Это я понял, как только мы вышли в рейс. Первые шесть дней я не вставал с койки из-за морской болезни. Поваров просил приносить мне только соленую капусту и соленые огурцы. Уже потом они признались мне: «А мы думали, запил наш доктор».

О море можно рассказывать бесконечно. Свежий морской ветер, волны выше корабля, прекрасные и незабываемые восходы и закаты, лунная дорожка. Море надо видеть и чувствовать. Писать о нём можно только в стихах. И я писал.

Рейсы кораблей тралового флота длятся от 4 до 6 месяцев. Моряки видят землю лишь издалека. Все остальное время – вода и вода. Каждый на корабле в свободное время занимается чем может. Кто-то мастерит кораблики из пластмассы или кусков дерева, кто-то все свободное время проводит за игрой в домино или шахматы. Я занимался всем понемножку и достиг определенных успехов в забивании «козла». К концу вто-

рого рейса по самонадеянности допустил маленькую оплошность, которая кончилась для меня печально. Моим постоянным партнером в игре был капитан, и я умудрился дважды вцепить ему «морского козла». По негласным флотским традициям, проигравший в течение месяца не должен садиться за домино. Наш капитан был с Кавказа и, стало быть, очень обидчив. Он перестал со мной разговаривать, и наши отношения резко ухудшились. В итоге с корабля мне пришлось уйти.

Как раз в это время у меня возникли дома «семейные обстоятельства», и я был вынужден уволиться из флота.

Вернувшись на Кубань, работал врачом в своем родном Тихорецке пять лет. А потом я, наконец-то, вновь вырвался в море, но теперь уже с правом выезда за границу. Работал в Жданове (ныне Мариуполь) и Находке, много раз был за рубежом. Поглядел на Италию, Германию, Францию, Португалию. Даже берега Англии и Норвегии издалека видел. Много было интересного, прекрасного, увлекательного. Больше всего я любил стоять ночные вахты со штурманом или старшим помощником. Ночи были разные: штормовые, грозные, тихие, полярные, и все – незабываемые.

Наш танкер из Находки доставлял горючее для жителей Крайнего Севера. Заходили в Петропавловск, Магадан, посещали Сахалин, Камчатку и Чукотку. Через Берингов пролив пробирались среди полярных льдов на Певек и Колыму. Белые медведи, тюлени и моржи были нашими постоянными спутниками. Они со своих льдин внимательно рассматривали наш танкер и даже не пытались убежать. Одна страшная медведица как-то ночью даже забралась на судно, когда мы

стояли среди льдов. Все спали, и боцману, которому в ту ночь почему-то не спалось, пришлось бегать с ней по палубе наперегонки, а потом закрыться в коп-терке на баке. Оттуда по телефону он возопил о помощи. Ребята сначала посмеялись, а потом начали греметь сковородками. Медведица ушла только после того, как ей дали ящик мороженой рыбы. Все вздохнули с облегчением: «Слава богу, откупились!»

Но, как я уже говорил, все хорошее со временем кончается. В 1984 году окончилась моя морская одиссея, и я плотно закрепился на берегу. Работал в Тихорецке врачом, стал интересоваться травами и траволечением. Познакомился со всеми окрестными знахарями, травниками и целителями. Со многими из них и сейчас поддерживаю переписку.

С 1984 года по настоящее время занимаюсь народной медициной и пишу стихи. Вышло 48 моих книг по траволечению и поведению человека в экстремальных ситуациях, а также две книги стихов – «Сказки волшебного мира» и «Морская лунная дорога». Стихи мои печатались во многих российских газетах. Назову такие города, как Санкт-Петербург («Морская газета»), Петропавловск-Камчатский, Магадан, Находка, Ростов, Краснодар, Тихорецк. Небольшие подборки стихов вошли в сборник поэтов России («Глагол», Москва, 1993 г.) и сборник молодых поэтов Кубани («Благослови», Краснодар, 1994 г.).

Г. Н. Ужegov, член Союза писателей России

ЮБИЛЕЙ

Я ВЕРЮ, ЧТО РОССИЯ ВОЗРОДИТСЯ

Иноземные путешественники, в разные времена посещавшие Россию, дивились не только бескрайности и красоте ее степей,

лесов, рек и озер, но и врожденной талантливости русского человека, его мужеству, выносливости, сметливости.

Ребёнок, едва научившийся ходить, получивший ранение во время немецкой бомбежки узловой станции Тихорецкая на Северном Кавказе, полугодный школьник младших классов в послевоенном поднимавшемся из руин Тихорецке, ученик слесаря на Тихорецком шпалопроточном заводе, студент медицинского училища, солдат срочной службы, снова студент, теперь уже медицинского института... И сизмала стихотворец, сочинитель, поэт, томимый жаждой поведать миру о своем пути, сомнениях, радостях, тревогах... Уроженец казачьего края, как и его предки — первопроходцы, но уже в ином звании, с дипломом врача, Генрих Ужегов отправляется по морям-океанам в дальние страны,

в порты Арктики. Вдали от суши, от родных берегов щемяще остро чувствуется связь с отчей землей, с теми, кто ждёт тебя.

В девяностые годы минувшего века открывается новая страница — начав с небольшой брошюры по народной медицине, Генрих Ужегов за 20 лет издал в Москве, Петербурге, Ростове, Краснодаре, за границей 90 книг по оздоровлению, здоровому образу жизни, в том числе такие фундаментальные труды, как «Детский народный лечебник», «Растения и здоровье», «Энциклопедия старости», «Когда вам за пятьдесят»... Телесное, «материальное» здоровье народа не может укрепляться без духовного возрождения нации, воспитания в молодом поколении любви к Родине, красоте родной земли, живому русскому слову. Подводя итоги своей жизни, долгой и быстротечной, поэт размышляет о тайнах человеческого

бытия, о судьбах Родины, о драме нынешнего меркантильного мира, где всё продается и покупается.

Автор 14 поэтических сборников, уникального «Словаря русской рифмы», член Союза писателей России, победитель международного конкурса «Боспорские агонии» (2008 г.), лауреат международного фестиваля «Славянские традиции» (2009 г.) Генрих Ужегов на рубеже своего 70-летия подтверждает вековую истину: богатство нашей земли — не только ее леса, черноземы, недра, но и Русское Слово — сердцевина народной души.

Александр Скоков,
член Союза писателей России,
руководитель секции поэзии
Санкт-Петербургской писательской
организации, лауреат
премии В. Путина 2008 г.

Генрих Ужегов

Мелкий дождик моросит,
Скрыта даль туманом,
Вечер жалобно свистит
По степным курганам.

Вишня в низкое окно
Смотрит сиротливо,
В шесть часов уже темно,
Грустно и тоскливо.

От дождя на стеклах след
Провожаю взглядом,
Плохо, если друга нет,
Нет любимой рядом...
1960

Вагон чуть освещается,
В купе полутемно,
И ветерок врывается
В раскрытое окно.

А за окном звенящая
Ночная тишина,
В далекий край манящая
Степная сторона.

Недолго пробыл дома я,
И снова поезда,
Зовет меня знакомая
Полярная звезда.

Туман над полем стелется,
Нигде ни огонька,
В большое счастье верится,
Но нет его пока...
1986

Дремлет деревенская
Наша сторона,
Ночью здесь вселенская
Стынет тишина.

Одиноко светятся
Где-то огоньки,
Синева от месяца
Льется вглубь реки.

Ветерок срывается,
Гладит камыши,
Хорошо мечтается
В хуторской глуши.

Надо мной Вселенная,
Мир других планет...
Жизнь ты наша брэнная —
Суета сует!
2005

Нас дурманила запахом мята,
Белой дымкой туманился плес,
И багряное пламя заката
Озаряло вершины берез.

Мне запомнилось это прощанье,
Ветерок над Кубанью-рекой,
Тишина и слова-обещанья,
И такой деревенский покой.

Затянулась печальная встреча
И уйти просто не было сил,
Не с тобой я прощался в тот вечер,
А из мира мечты уходил.

Все прошло, все умчалось куда-то —
Этот вечер, и дымка, и плес,
И холодное пламя заката
На вершинах притихших берез.
1993

Старику, где теплей, там и Родина,
Дом родной — где покормят его,
Жизнь уже на три четверти пройдена,
И не нужно ему ничего.

Тихий голос, походка несмелая
И от старости маленький рост,
А в глазах одиночество серое
Да кладбищенский тихий погост.

Со своею котомкою спаянный,
Он по жизни идет неспеша,
Полунищий и неприкаянный,
Как бессмертной России душа.
1999

ОСЕНЬ

Желтеют листья тополей,
Туманы белые проснулись,
И вереницы журавлей
На юг далёкий потянулись.

Печальна осени краса,
Сильнее хмурят брови ночи,
Темнеют чаще небеса,
И дни становятся короче.

Над головою неспеша
Туч вереница проплывает,
К покою тянется душа,
Хотя покоя не бывает.

Вот снова голуби загулькали
Навстречу ласковым ветрам,
Весна бросается сосульками
И сыплет росы по утрам.

Длиннее стали дни апрельские,
Ожил промерзший насквозь пруд,
И вечерами парни сельские
Девчат на улицу зовут.
Сидят старушки на завалинке —
Им больше некуда спешить,
И дед Игнат повесил валенки
На старом дереве сушить.
1996

Я много лет скитался по России,
Прошёл через пустыни и тайгу,
И вот сейчас под небом тёмно-синим
Стою на черноморском берегу.

У лунного серебряного диска
Кружится звёзд немеркнущих конвой,
И кажется, что звёзды близко-близко,
И можно их коснуться головой.

Здесь даже одинокая скульптура
Душой холодной чувствует весну.
Когда цикады стрелами Амура
Тревожат южной ночи тишину.

МЫ — СЛАВЯНЕ

Мы — великой России славяне,
Выживаем всем бедам назло,
Поднимайтесь с колен, россияне,
Время подвигов наших пришло!

Да, страну разорвали на части.
Да, Иуды гребут барыши.
Только в нашей пока еще власти
Всё вернуть на свои рубежи.

Не погибли российские корни,
Всё мощнее они с каждым днем,
Мы величие Родины помним
И его несомненно вернём.

Как народ мы так просто не сгинем,
Не свернем с векового пути,
Будут снова Пожарский и Минин
Нас к великой победе вести.

Будем помнить всегда: мы — славяне,
И над нами прославленный флаг,
Собирайтесь в кулак, россияне,
В неделимый и мощный кулак!

Окружены мы волнами тумана,
Нигде не пробивается рассвет,
Россия, словно после урагана,
Который длился восемьдесят лет.

Людские беды напитали небо
Слезами и страданием до дна,
И не всегда хватает людям хлеба,
А ведь у нас сегодня не война.

Связавшись неумело с перестройкой,
Лишились мы российского ума
И стали европейскою помойкой,
Страною мафиозного дерьма.

Былые беды к нам вернулись снова
Во всей своей невиданной красе,
Но что поделать — жизнь, она сурова,
Сейчас мы просто в черной полосе.

И бродим, как незрячие, в тумане,
Нося в душе непониманья лёд,
И думаем о новом урагане,
Который все неправды разметёт.

В весёлом вальсе кружится
Зеленая весна,
Собой в прозрачных лужицах
Любуется она.
Покрыла травы инея
Прозрачная слюда,
И небо тёмно-синее,
Как в озере вода.
Взлететь бы вместе с птицами
В весенний небосвод,
Той синевы напиток бы,
Что силы придаёт.
И силу, что добудется,
Отдать земле родной,
Которая любит
Красавицей-весной.

ПИСЬМО ДОБРОМУ ДЯДЕ

Мы с мамой живём в Волгограде,
Мне шесть с половиною лет,
Люблю я зефир в шоколаде,
Да денег у мамы всё нет.

Живём мы на хлебе и каше,
Осталось немного пшена:
За детство счастливое наше
Спасибо, родная страна!

Хотели купить мы с братишкой
Всамделишный велосипед,
Да стоит он дорого слишком,
А денег у мамы всё нет.

Продали мы дом дяде Паше,
Продали отца ордена:
За детство счастливое наше
Спасибо, родная страна!

Богатый какой-нибудь дядя,
Вам пишут Илья и Вадим:
Купи нам зефир в шоколаде —
Как вырастем, мы отдадим.
1994

И снова белый лист вначале
И думы горькие о том,
Зачем я целыми ночами
Сижу за письменным столом.

Уже недолго до рассвета
И скоро крикнут петухи,
О том, что снова у поэта
Не получаются стихи.

Сейчас поэты не мессии,
Стихи — не Божья благодать,
И скоро в загнанной России
Их будет некому читать.

Тут разве до духовной пищи,
Когда живем мы, как скоты,
Зачем, скажите, новым нищим
Иметь красивые мечты?

Нас много лет вели как стадо
То на парад, то на убой,
И коммунизм мерцал наградой
В туманной дымке голубой.

Не вечна дымка золотая,
Пришли другие времена,
И мы увидели: у края
Стоит любимая страна.

И спохватились поневоле:
А где же наши вожак?
Но... не поймаешь ветер в поле,
Туман не схватишь у реки.

У вожаков в богатстве, в силе
Жизнь протекала, как в раю,
И довели они Россию,
Отчизну милую мою.

Нам устилают путь не розы,
А словно много лет назад,
Неразрешимые вопросы:
Что делать? Как? Кто виноват?

Нас коммунизм давно не манит,
Пора замаливать грехи,
А светлый день еще настанет
И люди вспомнят про стихи.

Голоса России

Официально:

С 3 по 5 июля 2010 года в Аммане проходила научная конференция, посвященная творчеству иорданского писателя Монеса Раззаза, на которую собрались литераторы из Сирии, Ливана, Йемена, Саудовской Аравии, Туниса, Марокко, Египта, Турции и других стран. По приглашению Лиги писателей Иордании и при содействии Российского культурного центра в Аммане и лично представителя Россотрудничества в Иордании Александра Дорофеева, в работе форума приняли участие литераторы из России – критик, секретарь СП России, председатель Гражданского литературного форума Капитолина Кокшенёва и новеллист, член Союза писателей Лидия Сычева. Поездка была организована по линии сотрудничества между СП России и Лигой писателей Иордании при содействии председателя иностранной комиссии СП Олега Бавыкина.

Всю эту поездку я не расставалась с блокнотом (но самые главные впечатления остались, конечно же, в сердце), скучала по дому и думала: как же тут, в пустыне, могут жить люди?! Ближневосточный пейзаж видится величественным, когда смотришь на него из окна комфортабельного автомобиля – гигантские желтые складки рельефа, известняковые камни, крупный песок да редкие пыльные колючки у дороги. Но лишь сделаешь несколько шагов в сторону от благ цивилизации, появляется обескураживающее чувство бессилия – куда ни кинь взор, ни одной живой души, ни одного деревца или родника, ни одного строения, только холмистое, звенящее от жары безмолвие, невольное рождающее отчаяние. Девяносто процентов площади Иордании занимают пустыни и полупустыни.

Лишь в долине реки Иордан зелено, веет свежестью и прохладой. Правда, листья на деревьях мелкие, узкие, кроны кустистые, шарообразные – всё живое здесь стремится защититься от солнца. Вода преобразует эту бедную желто-коричневую землю – в долине за колючей проволокой набирают рост банановые плантации, где-то рядом – фруктовые сады, зреют на деревьях улады Востока – абрикосы, персики, апельсины. По этой земле ходил Христос, и здесь словно остановилось время – будто и не было двух тысяч лет, будто и не было заповедей любви – Западный берег реки Иордан оккупирован Израилем, граница проходит прямо по воде, и русских туристов, которые по традиции стремятся окунуться в святые воды, предупреждают: нельзя заходить за середину узкой речушки, завоюет сирена и случится международный конфликт...

На Западном берегу на высокой мачте реет израильский сине-белый флаг с шестиконечной звездой, видны пограничные постройки. Когда-то Иордан был могучей рекой, ещё в XIX веке здесь были стремнины, пороги и водопады, а теперь ширина русла невелика – 8–10 метров, воды стали мутно-зелёными, дно илистым. Но именно в этих местах мировая история сделала крутой вираж – здесь, на восточном берегу, в сорока метрах от сегодняшнего течения Иордана, археологи обнаружили развалины византийской церкви и основание греческой колонны, установленной на месте, где Иоанн Предтеча крестил Христа.

И мы здесь были... Смотрели на тихие будничные воды, в туманной дымке на другом берегу виднелся Иерихон. Расцвело утро, жара ещё не набрала силу, небо было высоким, прозрачно-голубым, дышалось легко, легко... Тихая грусть поднималась из глубины души – так совпало, что мы приехали к месту крещения 7 июля, в праздник Рождества пророка Иоанна Предтечи и в день рождения моего брата, трагически погибшего двадцать лет назад. И сегодня, в этот же день, увольнялся из армии в запас его старший сын, Олег. Мы должны были увидеться в Москве, отметить успешное прохождение службы, но я думала о нём здесь, на берегу Иордана. «Как ныне собирается Вещий Олег отмстить неразумным хазарам...» — племянник мой вырос воинственным, думающим и волевым человеком, непоколебимо-русским. Что-то грозно-величественное вырисовывалось в сцеплении этих дат и событий, какая-то неслучайная, но пока не понятая мной

закономерность; круг жизни двигался, то опасно наклоняясь, то стремительно убыстряясь, и личные наши судьбы, словно цветы в венок, вплетались в общий ход семьи, народа, мира. День над Иорданом был ясным, легко думалось, горизонт был далёк, вера – полна и тревожна.

Иордания – страна неспешная, как и весь арабский Восток. Слишком жарко, слишком много энергии уходит на поддержание жизни, так не разумней ли поберечь силы, тем более, что предназначенное всё равно сбудется?! Не скука, а знойный покой лежит над плоскими крышами Аммана.

Если смотреть на карту Иордании, то кажется, будто расправив крылья, летит в

В небе над Иорданием

ближневосточных песках изящная бабочка. Сердце «бабочки» — столичный Амман, где живёт почти половина населения страны. Здесь не разрешают строить дома выше трёх-четырёх этажей, и владения двух с половиной миллионов жителей широко раскинулись по земле иорданской – город кажется бесконечным. Вечером в Аммане легко заблудиться даже опытному человеку – улицы похожи друг на друга, как близнецы, дома, тесно строящиеся рядышком, все из светлого известнякового камня. Земля в городе дорогая и цена её растёт с каждым днём, потому возле детского сада или жилого дома здесь не встретишь игровую площадку, улицы тесно забиты машинами, тротуары – не разгуляешься... Но зато у иорданцев – так принято – большие, сравнительно с нашими, квартиры и виллы. В любом доме непременно есть гостиная, место, где можно неспешно поговорить, выпить крепкого чая и вкушать восточных сладостей – право, они этого стоят.

Уже после возвращения из Иордании я прочитала очерк об Аммане «Голубые верблюды», написанный Валентином Сорокиным в 1984 году и поразилась: как точно поэт сумел передать атмосферу этого города. «Светел белокаменный Амман. Рано утром его согревает спокойно-пламенное солнце. Поздно вечером не даёт ему простить могучее дыхание близкой пустыни... День в Аммане не наступает, а появляется сразу. Глазастый и серебристый. Серебристость – над плоскими крышами вилл, особняков и дворцов. Серебристость – над долиной, над холмами. Серебристость – над задумчивыми далями, над мудрыми древними горами».

Выступая на конференции иорданского писателя Монеса Раззаза, я говорила о том, что училась в Литинституте у Валентина Сорокина, что он – автор поэмы «Палестинец», и что нет никакого иного пути у русских для изменения ситуации в стране, кроме как вновь стать героями:

*Волгары, уральцы, сахалинцы,
Мы идем и не отступим впередь,
Русские, мы ныне – палестинцы:*

*Родина за нами!
Или – смерть.*

После выступления ко мне подошёл иорданский литературовед Хусейн Джумаа. Он был взволнован: «Я переводил стихи Валентина Сорокина на арабский, сопровождал его в поездке по стране!.. Пожалуйста, расскажите ему о нашей встрече – он должен меня помнить. Это очень хороший человек, настоящий русский!.. Передайте ему привет от Хусейна». Мы оба были расстроены: разъятое, казалось бы, навсегда время – соединилось...

Тема Палестины, арабо-израильского противостояния – данность Ближнего Востока, и конечно, её нельзя было миновать в этой поездке. Арабы, у которых так силь-

земли (только официально зарегистрированных беженцев в стране 1,57 млн), смирились с потерей родины. Может, на уровне властей этот план и работает, но вот в среде местной интеллигенции приязни к «руке дающей» не наблюдается – Америку здесь не любят. Посольство США в Аммане напоминает неприступную крепость – высокий забор, по углам – бэтээры с нацеленными пулемётами и пушками, на броне – солдаты с автоматами в руках. (То ли дело охрана королевских дворцов: проезжая мимо, мы наблюдали забавную сценку, когда бравоый гвардеец прислонил винтовку к стене и отошел в сторону, целиком отдавшись разговору по мобильному телефону.)

Размышляя о судьбе палестинского народа, Елена хвалит роман Кафы Зооби «Вернись домой, Халиль», который недавно вышел в России. «Там всё правда! Можно приводить цифры, историю вопроса, а можно эмоционально рассказать историю трёх поколений палестинской семьи. Мне приятно, что этот роман написала иорданка».

В Аммане мы встретились с Кафой, и разговор наш шел на русском языке: она училась в Москве и Ленинграде, долго жила в России, да и сейчас часто бывает в Санкт-Петербурге. Муж Кафы хорошо известен в театральном мире – Салам Кубайлат, выпускник Ленинградского государственного института театра, музыки и кинематографии стал продюсером спектакля «Ленинградка», который в 2009-м году получил премию «Золотая маска». Эту притчу о блокаде, рассказанную языком кукол, Салам привозил и в Амман. А о себе он говорит так: «Я был председателем Союза студентов Иордании, был секретарем организации Компартии в Петербурге. В Иордании работал в подпольных условиях – до 1989 года коммунистическая партия в стране была запрещена и каралась тюрьмой. А я был и остаюсь убежденным коммунистом, но принадлежность к партиям для меня никогда не была главной целью».

Что ж, подивимся прозорливости Мусаллама Бейсо – не обманула его наша перестройка, не очаровала своими «послаблениями», эхо которых докатилось аж до Иордании. Мы теперь так «перестроились», что превратили Северный Кавказ в пороховую бочку – редкий день там проходит без убийства, теракта, насилия. Что, взяла на вооружение опыт «арабо-израильского урегулирования»? Если да, то этот хаос надолго. А если похорошему, то Кавказ, особенно Дагестан, вопиют: нам нужна советская власть – от каждого по способностям, каждому – по труду, нам нужны чиновники – не мздоимцы, а истинные коммунисты-государственники, нам нужна дружба народов – не показная, а настоящая...

Про то, какой мир на Ближнем Востоке строит Израиль, рассуждает в прессе раввин Авраам Шмулевич: «Мы возьмем кусочек Египта, территории Ливана, Сирии, часть Ирака и отщипнем от Кувейта – это и есть земля, данная Богом еврейскому народу. Кнутом мы освободим нашу землю, а живущим на ней народам предложим выбор: либо умереть, либо жить по нашим правилам... Когда Израиль возьмет под свой контроль пространство Ближнего Востока, он произведет зачистку по методу Александра Македонского, несогласных истребят, а покоренные народы включатся в имперскую систему».

Кнутом мы освободим землю – не в этом ли суть протяженного во времени «арабо-израильского урегулирования», с резней в Дейр Ясин, в Кибии, в Сабре и Шатиле, в Дженине?! Частью этого плана стала и оккупация Ирака Соединёнными Штатами.

**Лидия
СЫЧЕВА,
Москва**

(Продолжение
в следующем
номере)

ПРОЗА

Борис Шереметьев

СТАРЛЕЙ ДУРАЛЕЙ

Юмореска

Служба на кораблях – походы мокрые, моря горбатые. Глухомань, синь безбрежная, сырые токи воздуха, облака-лебеди, качающаяся под ногами палуба. У одних в команде эта увлекательная экзотика рождает романтическое настроение, у других возбуждает жажду трудовой деятельности, у третьих – дрему да скуку, желание выпить, чтобы забыться.

Экипаж – это семья. А в семье, как в семье. Есть и забубенные головушки, орбита мыслей которых равна диаметру интересующей их спиртовой ёмкости. И вот уже в одной из кают сокрылось трое свободных от вахты офицеров. Промеж них и звания на особицу: разлей-тенант, залей-тенант, стакан-тенант. Паче чаяния застанет их врасплох командир – разборка будет короткая: кому строгое взыскание, кого с глаз долой, из сердца вон. С такими людьми всё ясно.

Речь моя пойдёт о другом забавном типе на флоте. О бражнике со стойким ощущением себя жертвенным барашком, отданным на заклание обстоятельств дела. Нельзя его причислить к поклонникам Бахуса, но он и не враг бутылки. Таких служак, в ком желчи нет, а больше чувства, жёны моряков умильно называют меж собой «дуралей».

Однако на счёт этого прозвания у меня своя догадка. Ещё во времена моей флотской юности в Севастополе служил старший лейтенант Дуралей (в обиходе старлей Дуралей), от коего, как я полагаю, с чьей-то лёгкой руки, и повелась родословная этой клички. Побывав на курсах краткосрочной беременности (извиняюсь за оговорку, – ускоренного обучения), он выпулпился из матросского яйца жёлтым и пушистым младшим лейтенантом. И за 20 лет календарной службы дорос лишь до звания старшего лейтенанта, попросту говоря, старлея. А дальше «ни тпру, ни ну, ни кукареку!» На носу 50, весь истёртый до плешивости, как пятак медной чеканки, а износу ему нет. В ходу по-прежнему! Потому, наверное, и поехала крыша. Ну, об этом ещё речь впереди.

Жил-служил на корабле этот офицер ни шатко и ни валко. Ни с кем особо не дружил, никого не подсаживал, словом, без суетных претензий. На флоте проходили всякого рода реформы, сокращения, уплотнения, модификации – старлей Дуралей, как заговоренный, ни под одну статью не подпал. Вроде и возраст уже солидный, а выслуги лет не хватает, чтобы проводить на заслуженный отдых. Как топляк, затонувший при сплыве, застрял на низовой должности сторожевика довоенного проекта, стоящего на приколе в Казачьей бухте.

Вот даже на солнце, говорят, есть пятна. А вы думаете, у Дуралея их не было? Если бы в свою пору кто-то пропустил его через «рентгеновские лучи» морского прожектора, всё видящего насквозь, сразу бы нашёл желтые пятна, как на стол постланной скатерти от частого излияния. И всё бы стало ясно: пирует. Не так, как тот скандалист, которому, при всём честном народе, хочется потешить расшалившиеся нервышки, а сама выдержка, человек-кремень. Да, он закладывал за галстук, но не ради куража, а чтобы втихомолку предаться кайфу, ощутить удовольствия жизни.

Справедливости ради надо отметить, что на корабле его ни разу не уличали в распитии напитков. Упаси бог! Даже если перед обедом в каюте выставлялась по важному поводу бутылочка «сухого», старлей Дуралей демонстративно отодвигал стакан от себя, говорил на «с»:

– Никак не могу-с! Я при исполнении служебных обязанностей.

А вот на берегу, после схода с корабля, как сейчас модно выражаться, тешил свою утробу. Но коль скоро в кондуктах военной комендатуры не значился, на гауптвахте не сживал, то и в поле зрения командования бригады не попадал.

Только ведь не зря говорят: в тихом омуте черти водятся!

Полине Ивановне, уже старушке на седьмом десятке, приснилось, будто внучок Валера наловил много рыбы. Пошёл с сеткой в мешке на речку, вечером сидел и натрусил больше ведра. И высыпал на пол в прихожей, а караси так и трепещутся, так и прыгают. Хоть бери прямо на сковородку! Дочка и внуки будут сытые! Радостно за Валерику! Недавно всё носом почмыхивал, а сейчас – кормилец, девятый класс заканчивает!

Сквозь сон Полина Ивановна стала подозревать подвох: рыба к добру не снится. Опять сплетни, наговоры, или безденежье. И стала приходить в себя от тревоги: где ж подвох? Почувствовала что-то мокрое у себя под боком. Ах ты, паршивец! Это Малой её обдуло! Быстро вскочила, включила ночничок, стала отряхиваться, определять размер урона. Малой, шестилетний бутуз, сладко причмокнул, подтянул колени к подбородку, почуввав сквознячок на мокром тельце. Полина Ивановна быстро выдернула из-под него простыню, скомкала и бросила на пол. Последняя простыня! Все уже потёрлись и разлезались. А купить – так дорого! И как она забыла клеёнку подложить? Знала ж про грех бутуза! Надеюсь разбудить. Да сама отрубилась от забот и усталости, ходи теперь, дура, мокрая. Подложив, что попало, рубашку мужеву (а он умер десять лет назад), постепенно успокоилась, старалась заснуть.

Да не тут-то было! Стала мысленно обозревать свою жизнь, не находя в ней ничего хорошего. Дочка Ира подкинула ей малога на ночь, уехала в краснодарскую тюрьму к своему непутёвому, передачку повезла. Шесть лет уже ездит, а осталось два. Посадили за убийство. Выпивал с другом, пока не зашкалило, беспамятно заснул. Утром проснулся – а друг холодный и кровичка кругом. Неизвестно, как всё случилось. И оставил на шее бабушки свои подарки. Трёх детей и дочку без специальности. На

пособия-то и живут, да с огорода что добудут. И на бабушкину пенсию. Куда ж ей деваться? Надо помогать. Надо терпеть. Может, что изменится? Хотя в лучшем уже не верила. Не стало б хуже.

И сама стала прибалывать: то головокружение, то в жар бросит. А тут ещё на свою голову пустила троих студентов на квартиру. Сначала были тихенькие, вежливые, а теперь обнаглели, водят девчат по вечерам. Девчата тоже бесовские, сами прутся. Никакой скромности. В комнате бардак, всё разбросано, углы пооббивали, грязь несут, не разуваются на пороге. Надо их гнать. Пусть идут к такой матери! Сколько можно терпеть ради их небольшой суммы квартплаты. И попались жадные, ничем не поделаться, жрут и жрут домашний харч, всё картошку жарят, и чайник закоптили. Бессовестные.

Никто не знает, как ей тяжело! И некому пожалиться.

Дочку жалко. Красавица! Умница! Скромная была. Да и сейчас, уже сколько без мужа, а хахала не завела. «Мне, мама, детей надо поднять! Я теперь при них, как веник при печке. Одна забота: что им в рот положить, да обувь – одеть», – говорила ей Ирка. И правда, не красится, не чепурится. Сядет возле окошка, задумается, оплачет. Некуда ей деться от своей судьбы и мужа-дурака. А её терпят: «Мама! Есть хоч!» Она одевает всех, берёт тележку и ведёт к бабушке за припасами. Бабушка им наложит банок, пакетов, сумок. Пусть едят! И

– Поди-ка, забыли?! Наклейка-то на бутылке новенькая, не выцветшая.

– Не знаю, не знаю. На этикетке нет-с времени изготовления продукта.

– Тогда изымается, как дезинфицирующее средство!

– Окстись, что ты делаешь? Это святотатство!

Лариса ловко вскрыла бутылку и, на глазах изумлённого мужа с застрявшим в горле сухим комом, вылила ценную жидкость в раковину.

Другой бы на его месте отступился, сдался на капитуляцию, но Дуралей не положил охулки на руку. Начал прятать водочные бутылки на чердаке дома. А для полного прикрытия и отвлекающего манёвра, зная любовь бездетной жены к животным, завёл kota. Придя домой, вытаскивал из сумки свежую рыбку и сразу спрашивал:

– А где наш Мурзик-с?.. Кис-кис-кис... Раз, два, три, четыре, пять, я иду тебя искать.

Он поднимался на чердак, доставал спрятанную чекушку. Выпивал её, выкуривал две сигареты кряду...

И не такой уж дуралей был наш старлей Дуралей. Скорее большой чудак. Искал не забытьё, а метод видоизменения наружных объектов. К примеру, меридиан, воображаемую линию, проходящую через полюса, он мысленно доставал со дна морей и обращал её в реальность, а всякую реальную вещь легко переводил в разряд иллюзорного предмета.

Минут через пятнадцать-двадцать, вернувшись в квартиру, он говорил с сожалением в голосе:

– Чёрт его знает, где носит этого Мурзика.

Долгое время Дуралей испытывал характер всё выносящей Ларисы. Но, как известно, во всём есть разумная мера, допустимый предел. В один из дней безграничное терпение спутницы жизни лопнуло. Вскинулась на мужа и закричала:

– Это не Мурзика чёрт носит по чердакам, а тебя, лысого, за хвост дёргает. Немедленно подавай рапорт на пенсию. Ты у меня теперь вот где!

Лариса твёрдо сжала пальцы в кулак и поднесла его к губам мужа.

Лицо Дуралея расплылось в улыбке. Мелькнула мысль: «Ничего-то у тебя, Лорочка, не выйдет. Напугала ежа голым задом». А вслух заявил:

– Вот и отлично! Пора и честь знать. Пчёлка-с заведём на даче, начнём медок-с качать, медовуху делать. Сладко с тобой заживём, матушка.

Круглое лицо Ларисы вытянулось грушей.

– Я... я... – И показала свои когти: – Я обращаюсь в пчелиную матку, и ты меня узнаешь настоящую. Я напущу на тебя весь рой. Он так изжалит, так издерёт – живого места не останется.

Дуралей оторопел от неожиданности, зароптал:

– Ну, помру как скотина. А тебе легче от этого станет?! Воем завоешь... – И расплакался. Но не из жалости к себе, а к благоверной.

Лариса кинулась к нему, осыпая поцелуями, с нежностью лопоча:

– Дуралей ты мой, дуралей. Разве я тебя брошу?.. Ты мой крест.

Вдруг резко отшатнулась и, грозя пальцем перед носом, сказала:

– Водку пить не позволю. Выкинь эту мерзость из головы... Радиация, радиация! Я теперь твоя радиация. Под моим облучением будешь на пенсии. Пора думать о здоровье.

Виталий Кириченко

КЫШ, ПРОКЛЯТЫЕ!

Рассказ

денег ваших не надо, а чтоб к вечеру очистили помещение!

Посмеиваясь, переглядываясь, все трое вышли. Один отглянулся, говоря за всех:

– Не ори, бабуля! Уйдем.

Полина Ивановна ещё покричала им вслед, чтобы выплеснуть недовольство. Но не успокоилась, потому что редко так заводилась. И стала ходить перед двором, собирать камешки, щепки, поправлять сетку забора. Нагибалась и разгибалась, всё еще бурча на бессовестников. На все неприятности. На неудачи. Когда ж это кончится? Была она маленькая, проворная, в байковом, давно полинявшем халате.

Посмотрела на ворох хвороста. Сосед спилил жердёлу, ствол забрал, а хворост скинул ей вместо дров, чтоб на свалку не везти. Ей всё равно делать нечего, пусть рубит, если тепла хочет.

И заметила стайку воробьёв, которые облюбовали ветки для обитания. Из всех птиц эти только и остались, раньше гонимые от всех домов. Бабушка Поля рассердилась:

– Кыш, проклятые! Все дрова избелите!

Взяла камень и швырнула в хворост. Воробышки вспорхнули на соседнее дерево. Баба Поля пулынула камень и в дерево. Воробы, не раздумывая, тотчас поднялись и улетели ныряющим полётом, будто заранее знали, куда им лететь.

Бабушка не успокоилась, говоря:

– Кыш, кыш!

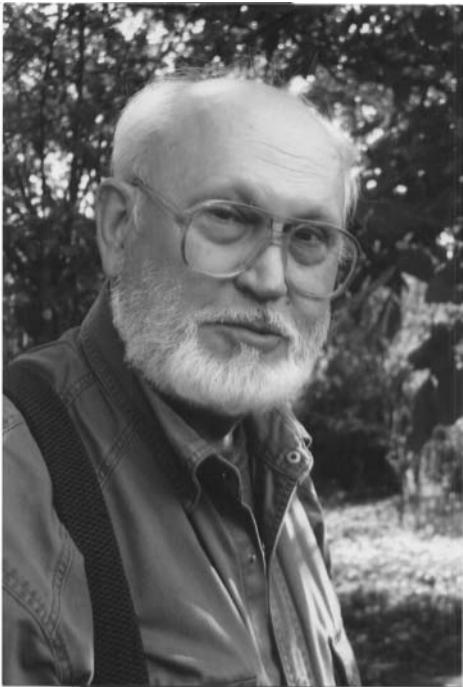
Мысли её взвились штопором от земной прежней России, где всё казалось идеальным, в международное пространство, отыскивая, на ком бы остановиться, кто главный виновник её бед. Будто и в самом деле виновны воробы.

– Французы проклятые! Объели нас, нищими сделали!

И пошла кормить внука-бузуика.

Поэзия

Алексей ГОРОБЕЦ

АНГЕЛ ЛЕТА

Метель взвилась,
Сорвалась с высоты
Весенних туч, лишь у земли прогретых,
И разметалась меж деревьев раздетых
В сиянье нестерпимой наготы.
И застонали,
Выгнулись кусты,
И лед вспотел,
Прознав про всё про это...
О, как слепа весна, как мало света
И как глупы подснежные цветы!
Им завершать свой зыбкий зимний путь.
А нам, смеясь, ладони окунуть
Вот в этот снег, да и свечу задуть,
И до утра вникать в простую суть
Любви ночной,
Где лишь твои приметы...
И рядом притулился ангел лета —
Слегка погреться
И чуть-чуть вздремнуть.

Умой слова, повычеркни красоты
И удержи, хотя бы до утра!
Любовь к печали,
Верность справедливости
И тайнопись гусяного пера.

Оставь свою избыточную мудрость
Дождям — и не таи, тем паче, зла
На скаредность и сумрачную скудность
Осеннего усталого тепла.
И наших рук разомкнутые тени,
И память губ, что я не перевозмог —
Калиткой скрипнут, ступят на порог...
И сны твои читая между строк,
Рассудит нас усталый и осенний
Наш Бог любви,
Любви печальный Бог.

Всё состоит из мелочей:
И зимние проблемы,
И летняя возня грачей,
И всхлип в ночи, незнамо чей,
И дождь...
И хризантемы
Дрожат в распахнутых очах
И душу рвут на части...
Твой мир —
Он потому зачах,
Что не поверил в счастье.

Взметнёшься вверх,
Сорвешься вниз —
И вдрызг, и весь твой сказ!
И тает след, и гибнет смысл
За частоколом фраз.
И вот опять
Твоя страна
Рванулась наудачу...
Чтоб, заплатив за всё сполна,
Нам доживать на сдачу.

Он всё перемочалит в одночасье,
Стремительный технический прогресс.
Ну, что тут скажешь -
Понял лишь сейчас я:
Какое это счастье — зимний лес!
Какая эта благодать — корневища,
Стволы и пни, сугробы, бурелом!
Сверкнёт лыжня — и снегири освищут
Тебя — и пригласят в свой зимний дом.
И дуб в снегу, и старая сторожка,
И совы хулиганят налегке...
И ревность —
Та, что в злобном тупике
Изъела душу —
Помолчит немножко,
Ощерится —
И на паучьих ножках
Уйдет по замерзающей реке.

Шиповник обезумел от весны —
От этих гроз,
От этой влажной страсти!
Но суховее пыльные ненастья
Свершат своё,
Свирипы и скушны.
И вот —
Цветов запекаясь кровь,
Сухой реки разбитое корыто...
Нам доживать, колючим и забытым,
И в прошлое
Стучаться вновь и вновь:
Тая в душе прощённую любовь
И в сердце —
Непрощённую обиду.

Отсуеилось лето. Волчи броды
Заилились. Покой большой реки
Объемлет душу. Призраки свободы —
Обрывки туч — чужим ветрам в угоду
Плывут вверх, легки и далеки.
Плывут,
И след дождя на снежном насте
Всё явственней напомнит волчий след,
И передыху не было и нет
В чреде тебе ниспосланных ненастий
И липких зол, и неотвязных бед.
И что теперь пенять и обижаться
На хлад и сумрак, иней на ветвях,
Когда в окошках, в колких кучерях
Терновников,
Чья участь — безучастье,
Всё явственней осенний ветер счастья
И зимний ужас,
И весенний страх.

Любовь невозвратима —
Всё на свете
Изменчиво!
Который день подряд
Сбиваясь в дождь, освирепелый ветер
Несёт крупу и крупнотельный град.
Рвёт кроны и грохочет водостоками,
Швыряет в небо гниль и прель репья,
И обессилен гибкими осоками,
Всё тщится,
Задыхаясь и хрипя,
Возвысить низкое и умалить высокое,
Чтобы хоть как-то
Утвердить себя.

Усталая мгла
Поспешает навстречу рассвету.

Вспотели витрины, остыли ночные огни.
Просящему дай.
И забудь, и не будем об этом:
Поверим, что звезды —
Кометы, планеты, ракеты —
Не то, чтоб угасли, но просто остались одни,
Просящему — дай.
Не рядись крохобором и жмотом.
И замыслов сложных, и ложных надежд
не таи.

Слонов — отпусти!
Раздари их поштучно и оптом.
А всё что осталось — оставь.
И люби, и терпи.
Осталось чуть-чуть?
Ну, так пусть себе и остаётся
Вот этой вот моросью мелких осенних
тревог.
Пожухлой листвой, уплатившей свой
желтый оброк,
А ближе к зиме — той позёмкой,
Что тихо займётся
Печалью и мороком наших небесных
дорог

Твой прошлый день
Дождит, темнее ночи став.
Уходит в дымь, в пожухлость листьев,
В скрип
Орешника, в простудный лепет лип...
А тихий снег
Уже припал, прилип
К ветвям твоим, прокручивая клип
О безысходном счастье одиночества,
Где равнодушно листья полистав,
Зима всему навяжет свой устав.

Избави, Господи.
Нас от дурного глаза
И доброты врагов и дураков!
Убереги от приворога, сглаза,
От холодов,
Когда легко и сразу
Зима накинет свадебный покров
И хмель в саду, на улицы и лица
Твоих подруг, любивших вся и всех,
На этот наш почти безгрешный бег
Измен, забвений, краденых утех,
Где всё никак
Тоске твоей не спится,
Где плачет Сыть —
Ночной печали птица,
И не спешит от нас отворотиться
Ни Гамаюн,
Ни Щур,
Ни птица Стерх.

КНИЖНЫЙ МИР

Седов, Николай
Гон: новые стихи на вечные темы /
Н. Седов. — Краснодар: Книга, 2010. —
208 с.

Новая книга Николая Седова включает в себя произведения, созданные в 2007–2010 годах. Автор остаётся верен своим темам, его лирическому герою, как и самому поэту, назначено судьбой жить на изломе двух тысячелетий, двух веков, двух миров. Об этом стихи.

Притча о камнях

Камни соберёшь — наступит время,
Если их разбрасывал, как семя.

Гон

По шоссе разогнавшись, не забудь
тормознуть,
Где в просёлок большак врезается,
Где рассыпал октябрь золотую казну
И танцуют курносые зайцы
Под лучами жестоко разящих фар,
Под ревун движка с завыванием.
А у них, косоглазых, амурный жар —
Гонит гон их в любовь и страдания.
Вот, как пуля, летит по судьбине-лучу
Полумёртвый гуляка серый.
А мне кажется — я это. Я лечу!
Удираю от смерти-стервы.
Задыхаюсь,
сердце взорваться грозит,
Следом трусят грехи вприпрыжку.
Мой водитель — Всевышний,
притормози,

Дай хоть крохотную передышку!
...Заяц, видно, со страху
совсем ослеп —
Сиганул в редкий лес с просёлка.
Отдышавшись,
Долго глядел нам вслед,
Уши в небо направив двухстволкой.

Как славно делать дело на земле —
Косить траву в нетронутой росе

И в перекуры в лесополосе
Есть с молоком духмяный чёрный хлеб.

И ворошить зелёный пух валков,
Пьянея разнотравьем, как вином,
Сорвать, волнуясь, с кос твоих венков,
Упав в объятья синих васильков.

И небо приближать, верша стога,
Целуя в губы звёзды и тебя.
Как славно жить, влюбляясь и любя,
И тайну смысла жизни постигать.

«Изюмлюды»
Галине и Даше

Счастлирое мгновение пролетевшей
жизни — по огромной подкове Инальского
пляжа сосредоточенно топает малень-
кая дочка. Она собирает камешки — «из-
юмлюды». Драгоценности эти — битое
бутылочное стекло, обкатанное морем
в зелёную гальку. Знать бы тогда, что
драгоценнее этих драгоценностей в моей
жизни не будет...

Где ты, море розовое?
Камешки зелёные?
Выклевало время вас,
Словно зёрна проса.
Хлопают в ладоши
Листья красных клёнов
И прибой раздумчиво
Задаёт вопросы.
Спрашивает: где теперь
Горы «изюмлюдов»?

И куда так быстро время утекло?
Камешки зелёные
Растворили люди,
Вместо них по берегу
Битое стекло...

Ожидание

День, уступая мгле, пошёл на убыль —
Я жду, когда придёшь на встречу ты.
Заря раскрыла жаждающие губы
В предчувствии объятий темноты.
Луна вкатилась колесом холодным,
Подпрыгнув на ухабах первых звёзд,
И простелили белые полотна
Река у леса и лиманный плёс.
Алмазной гранью брызнули осколки,
Рассыпанные Чеховской рукой,
Не ведая опасок и околиц,
Ложится ночь любовною строкой.
Под серенадный зов кота-баюна
И тихие напевы родника
Прождал всю ночь я озорницу-юность,
Возврат которой предвестил закат.

С девчонкой по имени Таня
Я в детстве невинно дружил —
С неё начинается память
Мужского вхождения в жизнь.

Любовь моя первая, свет твой,
Что солнце победных вершин!
Я верю в бессмертие детства,
Как верят в бессмертье души.

ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЗАПАСНИК

МАНИПУЛЯЦИЯ

В Римской республике во время боевых операций командиры приходилось обозначать места для сбора своих рассредоточенных воинов, чтобы перестроиться или произвести какой-либо манёвр. Для этих целей служил поначалу небольшой пучок травы, **манипула** (лат. **manipulus** – горсть сена, пучок травы), который насаживался на верхушку длинного шеста или пику. Такой знак давал возможность римским солдатам, увлеченным сражением, сгруппироваться и вновь обрести над собой командование. Кроме пучка сена, который в дальнейшем был заменён конским хвостом. Манипулы имели различного рода металлические изображения животных, обозначающие воинские подразделения; утрата такого воинского знака считалась тяжчайшим преступлением, грозившим непреодолимыми бедствиями. Таким образом, манипула римлян была прообразом армейского штандарта всех армий мира, в том числе современных.

В более поздний период римской истории значение термина было перенесено на группу солдат, служащих под одним манипулом или знаменем. В одной манипуле было две **центурии** (**centuria** – сотня). Она возникла при реорганизации римской армии в связи с «**манипуляцией**», то есть, переходом от прежней **фаланги** к манипуле, при которой один римский легион стал содержать десять манипул. С тех пор манипула стала тактической войсковой единицей, состоящей только из пешеходов, она имела собственное знамя, при знамени – два знаменосца и трубач.

НОТА

В античности существовали условные графические изображения слов – **нота** (от лат. **notae** – знаки, замечание). Ноты заменяли отчасти стенографическую запись и были уделом писцов, обладающих кто фантазией, а кто сообразительностью. Оттого сейчас невероятно трудно произвести расшифровку античных «нот». В изображениях греческих «нот», к примеру, наличествует как цифровые символы, так и буквенные: тайнопись и скоропись. К понятию нота относится и запись арифметического счета, также сплетение слогов в виде монограммы, где буквы ставились одна над другой или внутри друг друга. У римлян нотами считалось письмо с сокращениями слов, или письмо, в котором вместо слова зашифровывалось его значение – словом, все, что записывалось символическими письменами.

Ведущий рубрики
Анатолий Ильяхов

КНИЖНЫЙ МИР

Когда бы не было так грустно...

Известная лермонтовская строка «Все это было бы смешно» стала заголовком нового сборника басен, эпиграм и пародий сочинского поэта члена Союза писателей России Николая Ситникова.

Лирический поэт, дипломант конкурса Алексея Толстого Ситников в последние годы выступает в новых для себя жанрах сатирической поэзии.

– Время такое – пародийное! – с улыбкой говорит поэт. – За державу обидно...

В самом деле, наши дни так и просятся на вертел сатиры. Как говорится: куда не кинь – всюду клин. И сатирик пишет:

*У власти новый шоу-мен
И умница он редкий,
И ждем мы лучших перемен,
Но хрен не слаще редьки.*

За примером ходить далеко не надо: сколько мэров сменилось в Сочи, а результат? По большому счету так, олимпийская косметика. У поэта есть ответы едва ли

не на все вопросы. Вот почему, скажем, молчат рыбы? Не знаете? Сатирик отвечает:

*При поддержке мэра-кашалота
Бегемот приватизировал болото.
И рыбы ни гу-гу, чтоб не пропасть.*

Ведь у него большая пасть!
Тонкое перо и острый глаз
Николая Ситникова подмечают
нестроение и червоточины не только в социуме, но и в людях:

*Бык лани говорит:
«О, милая, ты чудо!
Как можешь ты любить
горбатого верблюда?»
Лань улыбнулась: «Шевели мозгами,
Ведь то не горб – мешок с деньгами!»*

Не раз приходилось видеть, как красивая молодая мама дымит, склонившись над малышом. По сути, она с пеленок заставля-ет дышать никотиновой отравой

своего ненаглядного отпрыска. Этакая мадонна с сигаретой.

И мимо этого не прошел равнодушно поэт:

*Над грудным ребёнком нимб
Дымным облаком колыхается,
С сигаретой мать над ним-
На сыначка не надышится.*

Достается от сочинского сатирика и нам, его коллегам – поэтам:

*Пресный стих: в нем соли мало,
Стал поэт солить смелей,
Но теперь ваш стих хромает:
Отложение солей.*

В главных своих сатирических произведениях поэт поднимается до государственных обобщений:

*Это глупость или коварство?
Развалили государство;
Что же тех, – по чьей вине
Нет в «Матросской тишине»?*

В следующей строфе подмечена ещё не изученная социо-

логами уникальная особенность нашего жизнеустройства:

*Почему в «законе вору»
Власть симпатизирует?
Потому что эту власть
Вор приватизирует!*

Вот уж действительно: все это было бы смешно, когда бы не было так грустно! Около двух веков мы все также смеемся, по-гоголевски, сквозь слезы. И говорим, говорим о новой России. А где она? Нужны огромные общие усилия, чтобы страна обновилась...

Недавно Николай Ситников стал лауреатом еще одного конкурса-имени И. Крылова. Жюри отметило его «тревогу за нравственное состояние общества, за сохранение вечных ценностей жизни», таких как честность, порядочность, способность на самопожертвование.

Хочется пожелать поэту и его новой музе крепкого ветра в творческие паруса.

Иван Машин,
член Союза писателей
России

ТВОРЧЕСТВО НАШИХ ЧИТАТЕЛЕЙ

Трудности таланта

(об анапском поэте Геннадии Севрюкове)

С творчеством анапских поэтов я познакомился в конце 2007 – начале 2008 гг.; двое из них В. Золотарев и С. Зубарев являются членами СП России. Третьим, несомненно, поэтически одаренным мне представляется Геннадий Севрюков, недавно приславший мне свой сборник «Три звезды».

Знакомство с книжкой подтвердило моё прежнее мнение об этом авторе: наряду с немалой долей крепких, самобытных стихотворений, явных поэтических удач в книжке присутствуют стихи явно случайные, а также недостаточно технически отделанные. То есть налицо некоторая качественная неровность творческой продукции поэта, чувствуется, что автор, стремясь включить в сборник всё написанное, был недостаточно строг к себе при его составлении. Но талант его, проходя сквозь горнило творческих трудностей, не только нёс потери, но и часто добивался ярких достижений. Очень радуют прямо-таки солнечные всплески его лучших вещей:

*Это дивное созданье,
Видно, ангелы лепили
Из цветов и звездной пыли
На подмостках мирозданья.*

В любовной лирике, в стихах о Женщине Геннадий Севрюков, на мой взгляд, особенно силён.

*Мои женщины спят, обнявшись.
В лучах солнца их царственно ложе.*

Как люблю я обеих, о Боже!
В них и смысл, и сама моя жизнь.

Это – о жене и дочери. А по поводу героини следующих строк читателю остаётся только догадываться:

*...порвать мне не хватало сил,
А ты из рук не выпускала.
И я пощады запросил,
Устав от чувств твоих накала.*

Но не только в любовной теме поэт проявляет талант и мастерство. Так, в стихотворении «За окном лунный блин» тема внутренней тревоги и беспокойства удачно передаётся с помощью неровного, нервного пульсирующего ритма: «Но вдруг пугающий звук / Ширится – Тук. Тук. Тук!.. / Сердце! Ах, тише стучи! / В жуткой тиши ночи / Не бей, родное, в грудь, / Сжалась, позволь уснуть».

А как берут за душу севрюковские строчки, посвященные памяти друга-поэта: «Его земное невеселье – Жизнь, что ни день, недуга гнёт. Но за ночь выросшие крылья Позвали смертного в полёт».

Как и в жизни, в творчестве Геннадия Яковлевича соседствуют любовь и ненависть, радость и грусть, слезы и смех.

В юморе он тоже очень самобытен: «Год за два зачтите в браке!.. Докричусь ли до небес?.. Кто там едет на собаке, Дули крутит мне?.. То – бес».

Много у Г. Севрюкова стихотворений, написанных в подобном ключе и с неподдельной поэтичностью. В их числе «Склока», «Заочница», «Распутица» и др. Разве можно пройти мимо такого маленького перла: «И лесная глухомань, Состоящая из Мань, Глашек, Ванек и Евдох, День и ночь роняет вздох?»

А когда Г. Севрюков касается социально-политических и нравственных проблем нашей Родины, он умеет быть неожиданным и по форме стихов, и по их содержанию, приближаясь к лучшим образцам народного творчества: «Въелась фраза-окалина / В тело нового дня. Говорят: «Надо Сталина» / Дыма нет без огня».

В этом же стихотворении поэт, уставший, как все мы, от ежедневной, ежечасной борьбы за существование, с мечтательной горечью написал: «Выйду в чистое полюшко, С ветром вольным сольюсь. За леса да за морюшко На чужбину умчусь».

Но в это мало верится, ибо любовь к родной земле, как и поэтический дар, у Геннадия в крови, и, встретив такие строчки: «Здесь к стеклу оконных рам месяц льнёт по вечерам. А когда смолкает дрозд, Слышен тихий шёпот звёзд», – понимаешь: Г. Севрюков поэт глубоко русский, верный классическим традициям, пушкинско-есенинской струне, дивными звуками которой хочу закончить статью:

*Тихо выйду за калитку;
Закатилось солнце в рожь.
На небесную улитку
Месяц в сумерки похож.*

Валерий Клебанов

Людмила Белорус

Победный май

Когда-то в далеком году 45-м на травке-муравке лежали солдаты. Лежали вполку солдаты и спали, Берёзки им сладкие сны навевали. А травка-муравка Была шелковистой. А солнышко плавало На небе чистом. Ничто не горело, ничто не гремело, Лишь робко листва возле них шелестела. Ведь столько простому солдату досталось! А спать приходилось лишь самую малость. В жару и в морозы спасался в окопах, С врагами сражались На горных на тропах. Когда Белоруссию освобождали, По горло в трясине порой утопали. Вперёд шёл солдат Сквозь дожди и метели, И чудился отдых На мягкой постели. ...Вот май долгожданный победный настал, Та травка-муравка в году 45-м Периною мягкой казалась солдатам.

Ты приснился мне, любимый, Будто не было разлуки. И прошли невзгоды мимо, Счастье – в каждом сердца стукче.

Недогадливый

Я смеялась звонко, Песни пела, А душа страдала и болела. Твоего легко касалась тела. Я тебя обворожить хотела.

Ну а ты Воспринимал как данность Эту мою маленькую странность: Я смеялась, Ты смеялся тоже. Как же ты не чувствовал, о Боже! От любви я просто умирала...